

На правах рукописи

ПОЛЕТАЕВА ЮЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА

ЭТИЧЕСКИЙ КОД КАК НАЧАЛО ИСТОРИИ

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Екатеринбург - 2010

Работа выполнена на кафедре философии и политологии
ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Скоробогачкий Вячеслав Васильевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Азаренко Сергей Александрович

кандидат философских наук
Штифанова Евгения Вячеславовна

Ведущая организация: Институт философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург

Защита состоится 18 ноября 2010 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М.Горького» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М.Горького».

Автореферат разослан «____» октября 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор философских наук, профессор

О.Б. Ионайтис

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

В настоящее время актуальность проблемы начала истории обусловлена тем, что она традиционно представляет собой пробный камень для проверки теоретико-методологического потенциала тех или иных концепций философского и научного исследования исторического процесса. В содержание данной проблемы включаются вопросы о соотношении между всеобщим и индивидуальным, между идеей и действительностью, между законами и фактами. В настоящее время отмечается ослабление теоретического интереса к исследованию проблемы начала истории. Вместе с тем значение указанных вопросов многократно возрастает в свете коренной задачи философского мировоззрения – постижения смысла истории, поиска идентичности общества и человека в ситуации исторического перелома, кардинальных изменений в социальной реальности и культуре. В этой ситуации необходим рефлектирующий взгляд, чтобы задать событиям прошедшего столетия адекватную историческую перспективу.

Характерной особенностью происходящих сегодня в России общественных перемен является кризис как универсальная характеристика нашего времени, точнее, кризисность как господствующая установка мировосприятия. Болезненное состояние духовной культуры, обостряемое переоценкой ценностей, связанная с этим «бездосновность» рефлектирующего Я образуют контекст, в котором любая общественная или человеческая проблема получает вид неразрешимой задачи. Фактическое нивелирование влияния культуры на все сферы жизни человека и общества возвращает нас к вопросам о смысле и назначении истории, о духовной ситуации нашего времени, о возможности независимого существования человека, самостоятельно определяющего свою судьбу, о самой возможности его свободы. Поставленные Ясперсом в исторической обстановке, сходной с той, что мы переживаем сегодня, эти и подобные им вопросы имеют первостепенное значение для российской действительности.

Ценностно-смысловые полюсы переживаемой нами исторической ситуации образуются двумя противоположными тенденциями. Во-первых, стремлением к порядку, основанному на административной (бюрократической) регламентации и технократической мотивации индивидуального и массового поведения людей. В истории России у данной тенденции имеются глубокие корни, связанные с цивилизующей ролью государства по отношению к обществу. Во-вторых, тем стихийным, непреходящим в российском обществе порывом к свободе, в котором выражается стремление к автономии и разнообразию, доходящему порой до состояния анархии и вседозволенности. Многовековое сосуществование этих тенденций в российской истории, впервые получившее рефлексированное выражение в дискуссии между западниками и славянофилами, говорит о том, что существует некий фактор, обеспечивающий, говоря языком синергетики, более или менее устойчивое равновесие между порядком и разнообразием. С

нашей точки зрения, роль такого медиатора по отношению к динамическим социальным системам выполняет этический код и связанный с ним фактор времени.

Современная теория эволюции признает наличие сложных социальных систем, обратные связи внутри которых определяют ход исторического развития. Характерные черты таких систем – автопоэзис (самотворение) и эквифинальность, или способность достигать искомого состояния независимо от помех (целесообразность). Это еще раз подтверждает актуальность вопроса о роли ценностей, символических форм культуры в становлении истории как формы эволюционного развития общества на ступени цивилизации. Сама постановка проблемы этического кода как начала истории в методологическом отношении позволяет сделать шаг вперед по сравнению с традиционными схемами философской концептуализации истории, основанными на рациональном конструировании истории как органически упорядоченного целого. Этот шаг заключается в выдвигании на передний план ценностно-символического измерения жизни общества. Проблема этического кода позволяет по-новому рассмотреть извечную дилемму власти и свободы, истории и личности, социальной среды и символических форм культуры, сохраняющих и воспроизводящих «возможный мир» свободы выбора.

Степень научной разработанности проблемы

Предлагаемый социально-философский анализ проблемы начала истории опирается на комплекс исследований, в которых получили разработку различные аспекты темы. Среди основополагающих работ по данной проблематике необходимо отметить как классические, так и современные труды зарубежных и отечественных авторов. Совокупность работ, составившая основной круг источников нашего исследования, может быть структурирована следующим образом.

Исходный ряд составляют исследования, разрабатывающие понятие истории как процесса развития общества. Концепция истории включает в себя совокупность взаимосвязанных вопросов о ее сущности, структуре, этапах и направленности исторического процесса, соотношении духовных (идеальных, культурных, ценностных, идеологических) и материальных (природно-географических, экономических, технических) факторов, месте и роли человека. Но теоретико-методологическим узлом, придающим данному тематическому пространству единство, проблемный и динамичный характер, является вопрос о начале истории. Эти вопросы обстоятельно рассматривались в классических работах зарубежных авторов (Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Гердер, И. Кант, Г. Гегель, К.Маркс, Ф. Энгельс, О. Шпенглер, М. Блок, Ф. Бродель, Р.Дж. Коллингвуд, Л. Мамфорд, Х. Ортега-и-Гассет, П.А. Сорокин, А. Тойнби, К. Ясперс), а также в работах отечественных исследователей, опубликованных в основном в 1970-1990-х г.г. (М.А.Барг, Ю.М. Бородай, Г.П. Григорьев, П.К. Гречко, Ю.Г. Ершов, Ю.К. Плетников, В.И. Плотников, Б.Ф. Поршнев, Ю.И. Семенов).

Наиболее перспективные, на наш взгляд, точки роста нового знания по проблеме начала истории представлены в исследованиях двух последних десятилетий, осуществленных в русле эволюционно-синергетического подхода представителями исторической науки. В работах Дж. М. Классена, Р. Карнейро, Э. Саутхолла, П.А. Павленко, Д. Здановича, Н. Крадина, Л.С. Васильева, А.В. Коротаева, В.А. Лынша, П. Скальника и др. рассматриваются различные модели перехода от первобытности к цивилизации, совпадающего с процессом формирования раннегосударственных структур.

Полученные в рамках этого подхода результаты обусловили настоятельную необходимость перехода от социально-экономической концепции начала истории к социокультурной. Предпосылки последней связаны с анализом таких форм культуры, как символ и ритуал, в работах С.С. Аверинцева, А. Ван Геннепа, Э. Кассирера, Дж. Кэмбелла, К. Леви-Стросса, Э. Лича, А.Ф.Лосева, Б. Малиновского, М. Мосса, А. Радклиф-Брауна, Б. Тайлора, Г. Тарда, В. Тэрнера, З. Фрейда, Дж. Дж. Фрезера, М. Элиаде и др. Серьезный вклад в ее обоснование сделан Л. Мамфордом, в работах которого проблема начала истории рассматривалась в контексте соотношения символического и технического в структуре ритуальной и социальной практик. Параллельно этому в целом ряде работ, относящихся к таким научным дисциплинам, как культурология, семиотика, социология, разрабатывалось понятие культурного кода – в прямом значении или близком к нему, например: «язык», «знаковая система», «структура культурных значений», «институт». Культурный код обуславливает иерархическое строение и многообразие социокультурных феноменов, системный, упорядоченный характер их функционирования и динамики. Здесь можно назвать работы таких авторов, как В. Буркерт, П. Бергер и Т. Лукман, М. Дуглас, Ю. Кристева, К. Леви-Стросс, Т. Парсонс, П.А. Сорокин, У. Эко, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский, О.М. Фрейденберг, А.К. Байбурин, В.А. Бейлис, М.А. Заславский, В.Н. Никитаев и др. Одним из результатов этих разработок является теоретический образ истории как текста, как знаковой реальности, имеющей интерсубъективную природу (Р. Барт, Г.-Г. Гадамер, П. Рикёр, М.Фуко, Х. Уайт, М. Рыклин, Е.Г. Трубина, М. Эпштейн). Но, ретроспективно оценивая результаты, достигнутые этими авторами, следует отметить, что в своей основе они воспроизводят концепцию социального изобретения, более века тому назад изложенную Г. Тардом в работе «Социальная логика».

Большое значение для разработки понятия этического кода как «несущей» конструкции гипотезы о начале истории, представленной в нашей диссертации, имели работы, посвященные аксиологическому измерению исторического процесса. Первая группа исследований посвящена описанию роли духовно-ценностных факторов в истории, а также различных подходов к проблеме этического. Среди них работы классические (Аристотель, Ф. Ницше, А. Швейцер), а также современных отечественных философов (А.А. Гусейнов, О.Г. Дробницкий, М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев, В.И. Копалов, Ю.И. Мирошников). Вторую группу составили ис-

следования генезиса власти, рассматриваемой в ее соотношении с моралью и личностью, которые представлены в работах А. Ван Геннепа, Э. Канетти, Л. Мамфорда, В. Тэрнера, М. Фуко, И.А. Исаева, П.А. Сапронова, В.В.Скоробогачко, А.Б. Франца. Наконец, третью, самую многочисленную группу, составили работы, посвященные проблеме исторической целесообразности. Это работы классиков западноевропейской философии – И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Вебера, В. Виндельбанда, В. Дильтея, Д. Лукача, Г. Риккерта, М. Хайдеггера, О.Шпенглера, К. Ясперса, а также отечественных исследователей – А.С. Бухарова, М.Ф. Быковой, В.А. Вазюлина, Ю.Н. Давыдова, Э.В. Ильенкова, М.А. Киссея, М.К. Мамардашвили, Н.В. Мотрошиловой, К.Р. Мегрелидзе, М.Ф. Овсянникова, Т.И. Ойзермана, Э.Ю. Соловьева, Н.Н. Трубникова и др.

Особый интерес представляют немногочисленные исследования исторической индивидуальности как автономной системы, «открывающей» в повседневных структурах бытия время как творящую силу истории. К их числу относятся работы В. Виндельбанда, Г. Риккерта, М. Хайдеггера, Х. Ортега-и-Гассета, К.Ясперса, И. Пригожина и И. Стенгерс, Ю.М. Лотмана.

Объектом исследования является проблема начала истории, рассматриваемая в единстве ее историко-генетического и структурно-логического аспектов.

Предмет исследования – становление и действие этического кода в пространстве и времени функционирования социальных систем.

Цель исследования – раскрыть генезис и структуру этического кода и его роль как начала, обуславливающего инфраструктуру и динамику исторического процесса.

Намеченная в работе цель требует решения следующих **задач исследования**:

- рассмотреть проблему начала истории в контексте системной модели перехода от первобытности к цивилизации, становления Мегамашины как социальной организации вертикального типа;

- дать анализ генезиса и структуры этического кода, взаимосвязи его символического и технического аспектов, воздействия этического кода на конструирование социальной архитектуры цивилизации;

- раскрыть содержание целесообразности (целеполагания) как условия возможности истории, выявить теоретико-методологические различия аксиологического и субстанциалистского подходов к решению проблемы целесообразности и соотношения циклического и линейного времени истории;

- разработать социокультурную модель исторической индивидуальности как открытой динамической системы, генерирующей процессы спонтанного изменения и обновления социальной реальности во времени.

Теоретические и методологические основы исследования

Исходная теоретико-методологическая позиция исследования основана на социокультурном подходе (П.А. Сорокин, А. Шюц, Э. Шилз). Данный подход дает возможность построить модель системной детерминации

исторического процесса и преодолеть асимметрию в соотношении между культурой и обществом (социальной системой). В рамках социокультурного подхода их соотношение рассматривается как отношение дополнительности (Вяч.В.Иванов). Культура и общество представляют собой, соответственно, диахронный и синхронный срезы социального процесса. Первый из них выражает преемственную связь его состояний (наследственность), а второй – среду относительно стабильного функционирования социальных институтов (Т. Парсонс). Как способ организации социального пространства, культура обуславливает совместность существования людей в обществе, воспроизводство социального бытия (С.А. Азаренко). Социокультурный подход включает в себе серьезный и еще далеко не освоенный теоретико-методологический потенциал для разработки новой концепции начала истории. Связанные с ним установки накладывают отпечаток также на интерпретацию и осуществление других подходов.

Системный подход используется в диссертационном исследовании не только для разработки модели детерминации исторического процесса, но и для описания перехода от родового общества как предыстории к собственно истории как способу существования общества на ступени цивилизации. С нашей точки зрения, сам этот переход должен быть понят как специфическая система, в пространстве которой находится искомое начало истории. Такая интерпретация системного подхода в духе принципа историзма (И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин, В.И. Плотников, В.Н. Южаков) нашла свое продолжение в семиотическом описании культуры как знаковой системы. Разработанная представителями тартуско-московской школы (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский), семиотическая модель культуры была плодотворно применена в историческом познании и поэтому была использована в анализе становления этического кода в рамках перехода от родового общества к цивилизации, а также при построении теоретической модели исторической индивидуальности. На методологию диссертационного исследования оказали большое влияние идеи синергетики (И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен).

В работе использовался также аксиологический подход, разработанный в рамках неокантианской философии истории (Г. Риккерт, В. Виндельбанд) и философии жизни (В. Дильтей). Идеи Г. Риккерта о различении номотетического и идиографического методов познания, выделение им специфического предмета философско-исторического познания – исторической индивидуальности составили основу для сравнительного анализа аксиологической и субстанциалистской концепций исторической целесообразности.

Научная новизна исследования определяется тем, что:

1. В работе проведен анализ генезиса и структуры этического кода как начала истории, обуславливающего системно-эволюционный характер перехода от родового общества к цивилизации. Основным содержанием этого перехода является социальное изобретение вертикальной организа-

ции авторитарного типа (Мегамашины), составляющей непосредственную предпосылку исторического процесса.

2. Доказано, что протоформой этического кода является ритуал перехода – лиминальный обряд возведения на царство, характеризующийся следующими признаками: а) осуществление контроля поведения больших масс людей с помощью социальных образцов, стереотипов; б) предоставление индивиду возможности выбора как основания человеческой свободы; в) наличие символического потенциала, обуславливающего отсутствие внешних границ его действия.

3. Введено понятие этического кода как начала истории, представляющего собой матрицу производства и воспроизводства личности как принципа бытия человека в истории. Этический код рассматривается как фактор социокультурной динамики власти в ходе исторического процесса, направленной на осуществление прав и свобод человека.

4. Разработана структурная модель цивилизации, определяющая пространственную организацию («архитектуру») исторического процесса и обеспечивающая системный, универсальный, идеализирующий и общеобязательный характер этических норм и правил.

5. Осуществлена теоретико-методологическая реконструкция субстанциалистской и аксиологической концепций исторической целесообразности, сложившихся в истории философии, выделены их основания – диалектическое опосредствование, в первом случае, отнесение к ценности – во втором.

6. Дана интерпретация исторической индивидуальности как открытой динамической системы, возникающей на основе отнесения к ценности и вызывающей трансформацию сложившейся архитектуры цивилизации. Историческая индивидуальность существует в режиме становления и неотделима от времени, под которым понимается мера реализации внутреннего потенциала системы в условиях неопределенности, мера свободного самоосуществления человека.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования определяется научной новизной полученных результатов, которые расширяют возможности теоретического осмысления проблемы начала истории, а так же могут служить теоретико-методологической основой для проведения исследований по вопросам становления цивилизации, государственности, национальной ментальности в конкретных обществах, в том числе, становления и историко-культурных особенностей российской цивилизации и государственности.

Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах философии, социальной философии, культурологии и для подготовки специальных курсов по социальной и культурной антропологии, философии истории России.

Апробация результатов диссертационного исследования

Материалы диссертации использовались автором на лекциях и семинарских занятиях по философии в Уральской сельскохозяйственной ака-

демии. Основные результаты работы нашли отражение в статьях автора и материалах выступлений на международных и всероссийских конференциях, проводившихся в Уральском государственном университете, в Уральской сельскохозяйственной академии и других вузах: «Судьба России: духовные ценности и национальные интересы» (1996 г.), «Русская философия XX века: национальные особенности, течения и школы» (2000 г.), «Судьба России: образование, наука, культура» (2000 г.), «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (2003 г.), «Аграрное предпринимательство и юридические аспекты» (2003, 2004 гг.), «Федерализм. Гражданское общество. Государство: политические и правовые аспекты» (2006 г.), «Науки о культуре – шаг в XXI век» (2008 г.).

Структура работы

Работа изложена на 163 страницах и состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, который включает в себя 189 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень научной разработанности проблемы, определяются цели и задачи работы, раскрываются теоретические и методологические основания исследования, научная новизна работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, отмечается научное и практическое значение работы.

В первой главе **«Этический код как проект цивилизации»** рассматривается становление этического кода в контексте перехода от родового общества к цивилизации. Основным содержанием этого перехода является социальное изобретение вертикальной организации авторитарного типа (Мегамшины), которая представляет собой непосредственную предпосылку исторического процесса и воплощается в форме Царства.

В первом параграфе **«Трансформация ритуала в социальном пространстве Мегамшины»** ставится вопрос о необходимости системной интерпретации проблемы начала истории и раскрывается роль ритуала как протоформы этического кода в возникновении новой социальной организации.

Проблема начала истории имеет два измерения: генетическое и структурное. В первом случае речь идет о зарождении исследуемого объекта, о поиске той элементарной связи, которая явилась исходной клеточкой, матрицей нового, а также об определении этапов его становления. В структурном плане начало предстает в виде основания исторического процесса, определяющего его инфраструктуру – набор образований (подсистем), обеспечивающих воспроизводство основных параметров системы и возможность ее динамики, то есть перехода из одного состояния в другое. В конкретных исследованиях проблема начала истории зачастую сводится к од-

ному из этих аспектов, нередко случаи их противопоставления. Необходимый ракурс для рассмотрения проблемы начала истории в единстве ее аспектов дает системный подход. Суть системной интерпретации начала истории состоит, во-первых, в признании относительной правомочности различных версий начала, во-вторых, в понимании начала как узлового момента, как точки поворота от одной системы (родовое общество) к другой (цивилизация) и, в-третьих, в истолковании самого перехода от родового общества к цивилизации как специфической системы, пространства действия Мегамашины. Поскольку социальные системы являются эквивифинальными и коммуникативными, начало в отношении к становящемуся выполняет функцию кода, программирующего становление нового в определенном направлении.

Понятие Мегамашины было введено Л.Мамфордом для теоретической реконструкции возникновения древнеегипетской цивилизации, в первую очередь ее «ядра» – государственности. В работе данное понятие используется для обозначения особого вида социально-технического устройства – социальной организации вертикального типа, предназначенной для поддержания отношений господства и подчинения и использующую власть в качестве основной социальной силы – ресурса доминирования. Мегамашина представляет собой систему институтов, закрепляющую и стандартизирующую модели социального поведения и соответствующий им набор социальных ролей и ожиданий. Она может быть интерпретирована как институциональный порядок, обеспечивающий легитимацию нарождающейся власти. Это позволяет представить Мегамашину как проект становящейся цивилизации, объяснительную модель ее становления.

Власть является сущностным аспектом (гранью) цивилизации, и в силу этого власть неразрывно связана с ее основными характеристиками, в первую очередь, с техникой – не инструментальной (орудийной), направленной на покорение сил природы, а социальной, направленной на обуздание социальных стихий, «развязанных» ломкой родовых отношений. Воплощением этой техники является Мегамашина.

Как переходное явление, Мегамашина несла в себе черты не только нового, но и предыдущего состояния. Эти существенные характеристики прошлого состояния определяли форму осуществления нового. Одна из таких особенностей – ритуал, ставший фундаментальной характеристикой Мегамашины, охватывая самую ее сердцевину – институциональную структуру (порядок), в том числе – сферу власти, социального управления. Ритуал выступает в данном случае в роли звена, соединяющего в одно целое исходную и конечную ступени процесса перехода от родового общества к цивилизации. Это позволяет представить данный процесс не как промежуточный, образованный взаимоналожением нового и старого и потому не имеющий внутренней логики, а в качестве относительно самостоятельного образования, системы с имманентными ей законами функционирования.

Рассматривая вслед за В.Тэрнером ритуал как устойчивый, повторяющийся порядок коллективных действий с целью воздействия на боже-

ство (высшие силы), можно выделить в его структуре две составляющих – знаково-символическую и техническую. В основе ритуального символа лежит иерархическое соотношение низшего и высшего миров, мира жизни и мира смерти (богов, предков), соотношение рода и тотема. Техника связана в структуре ритуала с символом (Э.Лич, М.Мосс, А.Р.Радклиф-Браун, В.Тэрнер), выражает социальную и практическую направленность ритуального действия и представляет собой совокупность норм, правил, образцов, обеспечивающих организацию и управление коллективным действием, в том числе и за пределами места и времени собственно ритуала.

Исходя из этого, можно утверждать, что символ и техника как основные структурные компоненты ритуала раскрывают архетип вертикальной связи между миром жизни (родовым коллективом) и миром смерти (миров богов, предков как родового первоначала). Возникающее в контексте вертикальной связи между человеческой реальностью и родовым первоначалом целое получает характер системы. Качество системности, с нашей точки зрения, есть проявление фактора техники в структуре ритуала.

Структурное тождество ритуала и Мегамашины дает возможность утверждать, что Мегамашина есть результат социального изобретения. Понятие социального изобретения (Г.Тард) раскрывает механизм социальной эволюции, основанный на чередовании процессов изобретения и подражания. С помощью подражания (1) «изобретатель» находит во внешней среде образец для создания («изобретения») нового, которое (2) в сфере межличностного общения посредством «подражательного заражения» получает признание и становится кодом (правилом) коллективного действия. Ритуал выполняет функцию символического прообраза Мегамашины, социальное изобретение которой оказывается решающим пунктом социальной эволюции, точкой поворота от родового общества к цивилизации. «Снятый» в структуре Мегамашины ритуал (в форме лиминального обряда) вызывает распад горизонтальных «органических» (родовых) отношений и возникновение вертикальных «механических» отношений, превращающих былую бинарную оппозицию жизни/смерти в триаду, опосредствованную властью. Власть занимает в структуре Мегамашины позицию социокультурного «верха», надстраивающегося над горизонтальным основанием, представленным отношением жизни/смерти. Данное отношение секуляризуется, утрачивает структурообразующий характер и перемещается в горизонтальную плоскость межличностных и межгрупповых социальных взаимодействий. Теперь новые социальные отношения регулируются богом-вождем, человеческим воплощением бывшего тотема, который становится носителем абсолютной власти в социальном пространстве Мегамашины.

Можно утверждать, что в условиях секуляризации ритуал получает новое значение: в рамках возникающей социальной организации он выполняет функцию кода, является протоформой этического кода. Взятый в его техническом измерении, секуляризованный ритуал-код выступает как совокупность правил социально предписанного поведения. Сочетая принцип иерархии с признанием многообразия, он содержит в себе «меру воз-

возможности выбора» (У.Эко), определенную степень свободы. В символическом же измерении ритуал-код выражает потенциал безусловного превосходства новой социальной организации перед родовым обществом, потенциал ее безграничного господства над первобытной периферией. Появление протоформы этического кода, завершающее трансформацию ритуала в социальном пространстве Мегамашины, означает, что возникающая («изобретаемая») новая социальная организация входит в фазу рефлексированного существования. Под воздействием кода завершается создание внутренней структуры этой организации, абстрактных (институциональных и знаково-символических) элементов ее строения и тем самым запускается процесс строительства социального тела Мегамашины.

Во втором параграфе **«Этический код Царства»** раскрываются основные начала новой социальной организации, формулируется парадокс Мегамашины, анализируется структура этического кода и его воздействие на архитектуру возникающей цивилизации как места и времени начала истории.

Форму материального воплощения Мегамашина получает в границах Города – привилегированного сегмента социального пространства, резко отделенного от первобытной («деревенской») периферии. Город – место рождения института царской власти. Появление на вершине Мегамашины фигуры «царя-перводвигателя» – завершающий момент ее строительства, превращения в Царство (Л.Мамфорд). Город и возникшая вместе с ним социальная организация характеризуются новыми началами: структура, иерархия, социальная пирамида. Структура Города предполагает выделение центра, возвышающегося над окраиной, и последовательную дифференциацию и специализацию видов деятельности как условие рационального тотального контроля. Иерархия как принцип новой организации означает ценностное, нормативное и социальное закрепление различия «верха» и «низа» в структуре Города и находит свое материальное и функциональное воплощение в социальной пирамиде. Последняя непосредственно связана с иерархической структурой общества и в геометрически-пластической форме символизирует вертикаль, соединяющую небо и землю, в соответствии с чем потоки энергии и информации распределяются и движутся от вершины пирамиды вниз, к ее основанию, от царя-перводвигателя Мегамашины – к человеческой массе подвластных, «смертных» (рабов).

Совокупность принципов новой социальной организации раскрывает особенности институционального порядка, легимирующего нарождающийся архаический тип власти. В этом отношении Мегамашину можно рассматривать как социально-техническое устройство, условием и результатом действия которой является абсолютная, богоподобная власть царя. Вместе с тем носитель этой власти, институционально обособленный от массы «других», является первой и единственной в своем роде личностью. У истоков цивилизации находятся два явления, кажущихся несоединимыми. Первый из них – абсолютная и чудовищно безмерная в своих проявлениях власть, стихийная и безличная сила, напоминающая «архэ» древне-

греческой философии, власть-судьба, подчиняющая своему воздействию не только человека, но мироздание в целом. Она подчеркнута имперсональна и иррационально-хаотична. Другой из них – личность как принцип человеческого бытия, очерчивающий единство сознания, действия и воли и устанавливающий возможность и необходимость осуществления человеческой цели во внешнем мире и внесения в него разумного и нравственного порядка. Такое пересечение в социальном пространстве Мегамшины (Царства) двух принципиально чуждых (с современной точки зрения) феноменов характеризует парадокс Мегамшины, разрешением которого является этический код как начало истории.

Этический код, как всякий культурный код, является системой моделирования мира (У.Эко). Благодаря действию кода, механизм социального изобретения, в значительной степени характерный для процессов социальной эволюции на ступени предистории, уступает место творчеству как деятельности, основанием которой в границах собственно истории выступает триединство знания, рефлексии и свободы. С этой точки зрения история может быть охарактеризована как направленное изменение параметров функционирования социальной системы, связанное с усложнением ее структуры и возрастанием динамики. Этическое рассматривается в работе как нормативная матрица моральных и правовых оценок, в основе которой лежит идеальный тип человеческого как такового, взятого в максимально полном развертывании его способностей, в качестве конечной цели истории. По отношению к реальности этическое – ее предел, идеальная норма и целевая причина. Соответственно, этический код можно представить как первичную духовную структуру, (1) ставящую в центр нового институционального порядка личность как меру всех возможных изменений, динамический и смысловой центр универсума истории, и (2) задающую основные принципы, нормы и правила социального (должного) поведения.

Этический код предопределяет архитектуру цивилизации (Э.Тоффлер). Под ней понимается многогранная социальная система, обеспечивающая организацию и контроль различных аспектов человеческой жизни и очерчивающая границу между новым и старым. В составе этического кода можно выделить совокупность принципов, в соответствии с которыми складывалась архитектура нарождавшейся цивилизации, – принципы системности, универсальности, идеализации (удвоения реальности), общеобязательности этических норм и правил. Вместе с тем этический код задает историческому процессу вектор социокультурной динамики, в процессе которой осуществляется конвергенция власти и личности. Под воздействием указанных принципов формируется внутренняя структура социального пространства, элементами которой выступают микро-пространства индивидуальной автономии – узловые точки, в которых возникает феномен человеческой свободы и становится возможным формирование личности как особой формы человеческого существования. Благодаря этическому долженствованию, господствующая в континууме социального пространства нормативность с течением времени утрачивает свою внеположенность че-

ловеку, принудительный характер, основанный на силовом давлении и устрашении, и бессвязную гетерогенность.

Подобная структуризация социального пространства придавала объемность и глубину социальной системе, создавала предпосылки к тому, чтобы общественный процесс стал многоуровневым, гетерохронным и системно детерминированным. Вследствие этого социальная динамика приобретает исторический характер, становится историей. Это имеет место, когда благодаря упорядочивающему действию этического кода социальная стихийная сила власти превращается в основу, субстанцию свободы человека и формирования автономной личности. Так начинается процесс гуманизации власти – признание прав и свобод личности, ее ценности и достоинства. В данном пункте методологически важно зафиксировать взаимосвязь между историей как прогрессом свободы человека, с одной стороны, и процессом структурирования социального пространства, создающего возможности для формирования личности как принципа человеческого бытия, с другой. Именно появление личности, аккумулирующей в себе и «очеловечивающей» социальную стихийную силу власти, делает возможной историю как процесс социальной динамики, опирающийся по преимуществу на внутренние источники. Появление личности приводит к дифференциации, усложнению социальной системы, когда она становится внутренне структурированным, способным к самодвижению органическим целым.

Подведем итог рассуждениям о природе этического кода. Во-первых, он соединяет в своей структуре аспекты символического и технического и потому является одновременно фактором социальной организации и «паролем» на вход в область символических форм культуры. Во-вторых, с помощью этического кода индивиды конструируют новый социальный мир. Вместе с изобретением Мегамшины и царя-перводвигателя появляется автономия индивида как выделенное в структуре Мегамшины пространство свободы, в данном случае, свободы «одного» (Гегель). В-третьих, этический код представляет собой сочетание (1) идеи порядка и долженствования как необходимости подчинения каждого высшему началу и (2) символически выраженного равенства индивидов как носителей личного начала и возможности выбора. Это сочетание необходимости и свободы в своем осуществлении задает направленность и границы изменения человека и общества в процессе истории.

Во второй главе **«История как процесс развертывания жизни в формах техники»** рассматриваются функции этического кода по отношению к истории, раскрываются основания и содержание субстанциалистской и аксиологической концепций исторической целесообразности.

В первом параграфе **«Целесообразность как условие возможности истории»** исследуется проблема исторической целесообразности, раскрывается структура и основное содержание ее субстанциалистской концепции.

Этический код как начало истории выполняет по отношению к последней две функции: (1) в генетическом плане он является фактором, действие которого запускает ход исторического процесса, отделяя предысторию от собственно истории, а (2) в структурном плане выступает ее основанием, обеспечивающим единство исторического процесса на всем его протяжении. Формирование архитектуры цивилизации под воздействием этического кода – это возникновение собственно истории и одновременно исчезновение начала, а именно, превращение его в основание истории. Архитектура цивилизации может быть представлена как внутренняя инфраструктура, как основание истории; это внутренняя форма исторического процесса, которая предопределяет и восстанавливает единство истории, ее тождественность самой себе, постоянно нарушаемую в процессе движения и изменения.

Отличительный признак истории – целесообразность. Будучи внешним, формальным определением истории, целесообразность есть то абстрактно-общее, что присутствует на любой ступени исторического процесса, в любом его фрагменте, в том числе, – на уровне исходной «клеточки» истории, в качестве которой выступает элементарный акт человеческой деятельности. Взаимосвязь истории и личности, в ее непосредственной форме зафиксированная в начальном пункте истории, где на вершине социальной пирамиды находится одна-единственная личность царя-перводвигателя, становится проблемой, когда исторический процесс по мере разворачивания приводит к расширенному воспроизводству личности. Мир истории заполнен стихийным столкновением социальных атомов-личностей, вследствие чего целесообразность истории оказывается равнодействующей множества разнонаправленных индивидуальных и групповых целей. Доминирование стихийных сил над сознательными усилиями людей, характер исторической закономерности (а значит, и самой истории) как чего-то складывающегося независимо от их воли и сознания, подрывает идею целесообразности истории и сам тезис о тождестве истории и целесообразной деятельности человека.

Указанный разрыв между историческим процессом как системой и поведением составляющих ее элементов показывает, что на данную систему существенное влияние оказывают внешние условия ее функционирования, или природа. Мерой этого влияния является соотношение циклического и линейного в историческом процессе. Если линейное есть проявление воздействия техники и целесообразной деятельности (труда) на природную среду, результат которого – формирование «второй природы», искусственной среды, то циклическое отражает зависимость жизни общества и человека от природных условий. В том крайнем случае, когда эта зависимость становится определяющей, можно говорить об «отсутствии» истории. Это гипотетическая ситуация, в которой человечество, утрачивая способность к прогрессивному развитию, вступает в фазу застойной эволюции, превращается в квази-биологический вид с достаточно сложной социальной структурой, использованием техники, с этнографической культу-

рой и другими особенностями, отличающими данный вид от других видов, но только не в качественном отношении. Это означает, что общество не предопределено к истории, что социальность может иметь не только историческую, но и натуралистическую версию осуществления, что сохраняется возможность переключения общественного процесса из режима истории в режим натуралистический.

В иных случаях можно говорить о природоподобной истории, субъектом которой является Техника. Это рожденный философией и литературой Нового времени образ истории, находящейся в плену у необходимости, образ «неподлинной» истории, антитезой которой является история как царство свободы. Бывший предметом острых дискуссий в период промышленной революции и становления индустриального общества, он сохраняет свою значимость и для современности. Итогом этих дискуссий стали две концепции исторической целесообразности – субстанциалистская и аксиологическая.

В субстанциалистской модели исторической целесообразности, основоположения которой были разработаны Гегелем, объективный характер истории задается диалектическим переходом по ступеням «механизм – химизм – телеология». Этот переход образует имманентное содержание абсолютной идеи и структурный план развертывания исторического процесса и как ступени мирового процесса, и как самостоятельного целого. В истории человеческая цель достигает всеобщности благодаря средству – промежуточному звену между целью и предметом. В роли средства в исторической деятельности человека выступает техника (не только в материальной, но и в институциональной форме). Благодаря опосредствованию идеальное перевоплощается в предметное. Частичный и неполный характер такого перевоплощения фиксируется термином «отчуждение».

История рассматривается как состояние человеческого бытия, в рамках которого субъективная сторона целесообразности сопрягается с ее объективно-закономерным содержанием. Это сочетание субъективного и объективного в целесообразной деятельности, во-первых, представляет элементарную форму истории, во-вторых, является процессом, осуществляющимся во времени, а в-третьих, снимает различия между циклическим и линейным в историческом процессе.

Диалектическое опосредствование, устраняющее конфликт между индивидуальными и всеобщей целями, и последующая объективация целесообразности достигается за счет действия субъект-субстанции, способной к самоизменению и саморазвитию. Эта субстанция – дух, достигающий сознания своей свободы, и процесс такого сознания свободы, т.е. осуществления идеи свободы, есть история. Устранение оппозиции природы и свободы, подчинение того и другого более высокому (общему) принципу ведет к исключению этического из числа действенных факторов исторического процесса, оставляя за моралью и нравственностью функции поддержания порядка в частной сфере (семья, гражданские отношения) и симптома несправедливости в общественных отношениях.

Именно логика опосредствования и развитие средств познания и деятельности (техники) рассматриваются как факторы преодоления зависимости исторической жизни от действия природных факторов, обуславливающих циклизм социальных процессов. Носителем исторического оказывается деятельность, «очищенная» от влияния случайного со стороны внешней среды, от произвола (мнимой свободы) человека и способная быть проводником идеального плана. Эта идеализованная деятельность в «царстве свободы» осуществляется помимо человека, как самодействие техники, ставшей воплощенной силой знания. Данное положение получило развернутое обоснование в философско-исторической концепции Маркса. Он видел причину природоподобности истории, вытеснения человека на периферию исторического процесса в отчуждении человека. Техника враждебна жизни человека не сама по себе, а в качестведемиурга социальных процессов. Отталкиваясь, как и Гегель, от романтической метафоры Техники, Маркс в противоположность ему отводил роль субъекта истории человеку, но не как личности, а как родовому существу, неорганическим телом которого становится природа, а самоосуществлением – свободный труд.

Коммунизм как снятие противоречия между природой и человеком, между человеком и человеком он называл разрешением загадки истории, переходом из царства необходимости в царство свободы. Но предпринятое Марксом «расколдовывание» истории обернулось идеей ее конца, задало вектор попятного движения, связанного с отказом от институтов собственности, государства, религии, автономии личности с ее правами и свободами, – всего того, что составляло краеугольные основы цивилизации и конечную цель ее развития, – в пользу утопического проекта коммунизма.

Во втором параграфе **«Проблема исторической индивидуальности в контексте времени»** рассматривается вопрос о значении категории времени для разработки объяснительной модели истории, формулируется понятие исторической индивидуальности, раскрывается содержание аксиологической концепции целесообразности.

Время является измерением истории, которое позволяет поставить вопрос о степени «участия» индивида в истории. Так, например, в диалектической философии истории время по существу элиминировано, сведено к хронологической последовательности ступеней истории, поскольку в поле ее зрения находится не индивид, а родовой человек (человечество). Последний существует над временем, будучи предметной объективацией абсолютной идеи (Гегель) или закономерного перехода («скачка») из царства необходимости в царство свободы (Маркс, Энгельс). Связь индивида с историей раскрывается в рамках экзистенциальной трактовки времени как временного, конечного, неотделимого от существования индивида, как возможного горизонта любой понятности бытия (Хайдеггер). Взятое в ракурсе существования отдельного, конечного существа, оно становится открытым, неопределенно-текущим и переменным. И, следовательно, сама история в этом ракурсе перестает быть заданием духа или объективной закономерности, а становится полем человеческого существования.

Этот подход связан с отказом от финалистских представлений о единой (или даже единственной) формуле истории и ее неминуемом конце (исчерпанности), выработанных в рамках субстанциалистской концепции. Критика рациональных моделей универсальной истории предполагала коренную ломку научной парадигмы, которая и началась в ходе пересмотра философско-исторических концепций Гегеля и Маркса, базировавшихся на диалектическом методе.

Такой пересмотр открылся принципиально новой трактовкой роли индивидуального в методологии исторического познания. Основные принципы историко-социологического «номинализма» разрабатывались неокантианцами (Г.Риккерт, В.Виндельбанд). Индивидуальное (факт, событие, индивид) может стать предметом теоретического рассмотрения только в определенном ракурсе – как нечто отнесенное к ценности, и только вследствие такой отнесенности индивидуальное может приобрести свойство цельности и войти в состав определенного единства (целого более высокого порядка). Отнесенность к ценности дает возможность формального упорядочения индивидуальных явлений в рамках некоторого целого. В этом плане ценностная отнесенность задает общее значение, на основе которого формируется теоретическое единство.

Согласно новой концепции, общезначимость занимает в структуре исторического действия то место, которое в гегелевской философии истории отводилось логическому (рациональному). Общезначимость становится основанием для взаимосогласования между целью, средством и предметом деятельности. Целесообразность действия оказывается функцией нормативно-ценностного обоснования целей и выбора средств. Вместе с заменой в структуре целесообразности логического (рационального) на общезначимое существенно видоизменяется характер целесообразности. Логическое обозначает тип связи, характеризующийся господством всеобщего над отдельным: всеобщее существует как теория – система, сводящая в порядок эмпирическое многообразие вещей и явлений. Общезначимое указывает на тип связи между отдельным и всеобщим, для которого характерно их смысловое тождество, типологически сходное с производением искусства. Здесь отдельное непосредственно, в знаково-предметном материале собственного «тела» воплощает всеобщее. По сути, это индивидуальное, которое несет в себе многообразие возможных воплощений, характеризует не столько ставшее, наличное бытие, сколько перспективу, становление. Индивидуальность, основанная на свободе, является проектом, ее основной вопрос не *что*, а *как* (Л.Баткин). Она характеризует способ окультуривания и ритуализации повседневности, соединения реального и трансцендентального, существования и ценностей.

Новая аксиологическая трактовка целесообразности заключается в том, что целесообразность рассматривается теперь как реальное (а не формальное) условие возможности истории. Это означает, что у истории нет ни провиденциального плана, осуществляемого абсолютным духом, ни закономерностей, детерминистически обуславливающих наступление того

или иного будущего. Будущее характеризуется как проект, как открытое и свободное движение в область неизвестного. Как нескончаемое движение к линии горизонта, история является существованием во времени, движением, порождающим время, и потому – раскрытием смысла бытия.

Реабилитация человека, времени и, как это не парадоксально звучит, техники, а вместе с ней и человеческого разума стала главным содержанием того поворота, который связан с формированием аксиологической целесообразности. В рамках новой онтологии, ориентированной на историю, особенность, уникальность рассматривается не как случайность природного типа, а как продукт культуры. С аксиологической точки зрения индивидуальность есть процесс и результат соединения различных частных в целое, их интеграции и субординации как элементов вновь образованного единства. Суть индивидуального – не особенность, а холистичность, целостность. Соотнесение с ценностью открывает новый, динамический план действительности, отличный от традиционного гносеологического противопоставления субъективного и объективного. Время и становление индивидуального – основное содержание динамического плана действительности. На его фоне проступает взаимосвязь различных формообразований (систем) социального, с одной стороны, и индивидуальности, с другой. Рассмотрение индивидуальности как целого, находящегося в развитии, в непрерывном становлении, позволяет представить индивидуальность как нечто историческое по ее сути, по ее бытийному назначению. Именно поэтому индивидуальность и составляет исходный пункт новой онтологии.

Появление исторической индивидуальности означает принципиальную перестройку, трансформацию прежней архитектуры цивилизации. Основное направление этой перестройки – формирование открытых социальных систем, существующих в режиме становления и характеризующихся новым типом структуры и иерархии. Это новый тип системности, характеризующийся множественностью, сложностью и необратимостью (темпоральностью). Для открытых систем со смещенным, блуждающим центром – в противоположность закрытым и стационарным – характерными являются неравновесные состояния.

Изменение характера структуры и иерархии предполагает переход от порядка, основанного на властном принуждении, на отношении господства и подчинения, к порядку иного рода, возникающему на основе согласия подавляющего большинства относительно базовых ценностей. Согласие порождает не ценности, а общезначимость – признанность ценностей в качестве неотъемлемого условия жизни каждого индивида в отдельности и общества как целого. Получая признанное бытие, ценности становятся неотъемлемым аспектом социальной реальности.

Понятие исторической индивидуальности может быть использовано как объяснительная модель, позволяющая отождествить функционирование открытых динамических систем с поведением личности. Не менее важно и обратное предположение – о сопоставимости, относительной тождественности поведения личности в истории и функционирования открытых

динамических систем. За последние десятилетия в области синергетики, теории систем, семиотики, истории культуры, истории литературы, социальной психологии накоплен серьезный теоретико-методологический потенциал, связанный с разработкой постклассических детерминистских представлений, нелинейных моделей социальной эволюции и т.п. Этот потенциал может составить основу формирования метатеории, необходимой для того, чтобы перейти к научному описанию нелинейных, уникальных, единичных и случайных явлений (событий, процессов) в сфере социальных и гуманитарных наук.

Тесная связь исторической индивидуальности с фактором времени позволяет выдвинуть предположение, что историческая индивидуальность является структурно-смысловой «клеточкой» исторического процесса, несущей в себе базовую, начальную информацию о строении и динамических параметрах истории как особого состояния социальных систем любого масштаба, от микро- (личность) до макроуровня (общество). Соединяя качества части и целого, историческая индивидуальность представляет собой оформленное в структурном и смысловом отношении, развернутое в пространстве и времени действие этического кода. Для нее, как для системы с рефлексией, характерна рефлексированная форма должного поведения. Историческая индивидуальность несет в себе историческое задание, являясь, тем самым, фактором телеологической причинности в социальном пространстве. Каждая из них включает в себе большую или меньшую вероятность обновления исторического состояния общества.

В этом смысле историю можно рассматривать как семиотическую систему, систему текстов различного порядка, сложности и смыслового содержания. Здесь история – «произведение», нечто рукотворное, осуществляемая по известным правилам (поэтика, жанры, символика, театральное сценическое оформление). По отношению к ней историческая индивидуальность играет роль своеобразного фермента, возмущающего сложившийся порядок и вызывающего спонтанные перестроения структурных и смысловых связей внутри системы текстов, крайней формой чего выступает культурный «взрыв» (Ю.Лотман).

Соответственно, назначение этического кода по отношению к истории, понятой как семиотическая (культурная) система, заключается в том, что он (1) задает правила осмысления, понимания, истолкования текста (текстов) и (2) правила конструирования новых структурных и смысловых связей и реконструкции существующих. Образующие этический код истории правила по своей сути есть техническое – нормы и образцы (стереотипы), способствующие структурированию и организации социальных процессов в виде системы, функционирующей в соответствии с заданными параметрами. Но с другой стороны, эти же нормы и образцы имеют символический смысл, «отнесены» к ценностям. Рациональное и аксиологическое – аспекты взаимосвязи технического и символического, фиксирующие различные меры их соотнесенности.

Новое истолкование кода, соотношения естественного и искусственного, объективно обусловленного и конвенционального является основой для преодоления конфликта между техникой и жизнью и приводит к пониманию истории как процесса развертывания жизни в формах техники, как процесса, в котором переплетается в единое целое конструирование предметных форм бытия и свободное самоосуществление человека.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования и намечаются перспективы дальнейших исследований по данной теме.

Положения работы, выносимые на защиту:

1. В работе обосновано применение системного подхода к решению проблемы начала истории. Системная интерпретация начала истории, во-первых, предполагает определение начала истории как поворотного пункта в процессе превращения одной системы в другую, а во-вторых, требует рассматривать данный процесс как специфическую систему, внутренняя структура и динамика которой обусловлена новой социальной организацией авторитарного типа.

Качественную особенность новой социальной организации выражают принципы структуры, иерархии и социальной пирамиды, лежащие в основе институционального порядка, обеспечивающего легитимацию абсолютной власти царя. Фигура царя, символизирующая доминирование новой организации над первобытной периферией, является парадоксальным соединением феноменов власти и личности.

2. Этический код как начало истории представляет собой матрицу для производства и воспроизводства личности как принципа бытия человека в истории. Основу этического составляет абстракция человека как конечной цели истории; по отношению к истории этическое есть ее предел, целевая причина и идеальная норма. Соответственно, понятие этического кода обозначает первичную духовную структуру истории, которая (1) является системой моделирования мира, (2) ставит в центр нового институционального порядка личность как меру всех возможных изменений, динамический и смысловой центр универсума истории и (3) задает основные принципы, нормы и правила социального (должного) поведения.

Динамическую структуру этического кода образует оппозиция технического и символического. Под техникой в работе рассматривается рационально упорядоченная совокупность правил и норм, представленная в виде определенной организации и обеспечивающая возможность управлять функционированием социальных систем с целью достижения оптимального состояния. Символическая сторона этического кода – это совокупность идеально-типических значений, составляющих мир возможного и задающих импульс движения в направлении к конечной цели истории.

3. По отношению к истории этический код выполняет две функции: (1) в генетическом плане он является фактором, действие которого запускает ход исторического процесса, отделяя предысторию от собственно истории, а (2) в структурном плане выступает ее основанием, обеспечивающим единство исторического процесса на всем его протяжении.

В структуре этического кода выделены принципы системности, универсальности, идеализации (удвоения реальности), общеобязательности этических норм и правил. В соответствии с этими принципами складывалась архитектура нарождавшейся цивилизации, под которой понимается многогранная социальная система, обеспечивающая организацию и контроль различных аспектов жизни человека и общества и образующая границу между историей и предысторией.

4. Понятие целесообразности рассматривается в работе как отличительный признак, составляющий условие возможности истории. Как показал опыт философско-теоретического исследования исторического процесса, понятие целесообразности образует теоретико-методологический центр проблемного поля, взаимосвязанными сторонами которого являются вопросы о характере (направленности) исторического времени и о месте и роли человека в истории.

Направленность времени определяется соотношением циклического и линейного в историческом процессе, которое в свою очередь, раскрывает меру влияния природы как внешней среды на функционирование социальных систем. Здесь возможны три модели исторического процесса: (1) «отсутствие» истории, обусловленное решающим перевесом циклического над линейным, высокой степенью зависимости социального от природного; (2) природоподобная история, характеризующаяся максимальным развитием техники, опосредствующей соотношение социума и природы и обуславливающей отчуждение человека; (3) история как проект, как пространство спонтанного самоизменения открытых динамических систем, одной из которых является «историческая индивидуальность».

5. Модель природоподобной истории лежит в основе субстанциалистской концепции исторической целесообразности, модель истории как открытого проекта – в основе аксиологической концепции.

В рамках субстанциалистской концепции целесообразность рассматривается как результат диалектического опосредствования отношения между целью и предметом с помощью средства (логического коррелята техники). Максимизация роли техники (опредмеченного знания) сопровождается вытеснением человека на периферию исторического процесса и замещением его в роли субъекта истории духом (Гегель) или родовым существом (Маркс).

В рамках аксиологической концепции целесообразность рассматривается как функция нормативно-ценностного обоснования целей и выбора средств. Ключевым для аксиологической концепции является понятие исторической индивидуальности, которая возникает и существует на основе отнесения к ценности и представляет собой новый тип системности, характеризующийся необратимостью (темпоральностью), сложностью, открытостью, спонтанностью. Становление открытых систем способствует преодолению конфликта между техникой и жизнью и создает условия для свободного самоосуществления человека в историческом процессе.

Основные результаты исследования, положения и выводы, содержащиеся в работе, отражены в статье автора, опубликованной в ведущем рецензируемом журнале, определенном ВАК РФ:

1. Метод нелинейной динамики и история: их взаимосвязь как проблема // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Т. 14, 2008. № 2. С. 196-200 (0,8 п. л.).

Публикации в других изданиях:

1. Этика служения отечеству: генезис и основные идеи // Судьба России: духовные ценности и национальные интересы. Доклады Второй Всероссийской конференции (Екатеринбург, 21-22 февраля 1996 г.). В соавторстве. – С. 126-133 (0,4/0,2 п.л.).

2. «Философия имени» А. Лосева как феномен отечественной культуры (постструктуралистский аспект) // Материалы III Всероссийской научной заочной конференции «Русская философия XX века: национальные особенности, течения и школы». Екатеринбург, 2000. – С. (0,1 п.л.).

3. Архаические черты современного российского государства // Тезисы докладов Четвертой Всероссийской конференции «Судьба России: образование, наука, культура». Екатеринбург. 2000 г. – С. (0,1 п.л.).

4. Дискурс как объект междисциплинарного диалога: от философии истории к синергетике // Сборник научных трудов межрегиональной научно-практической конференции. УрГСХА, 2003. Т. 2. – С. 229-232 (0,2 п.л.).

5. Семантический анализ дискурса: философия и наука // 2-я Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах». Челябинск, 2003. – С. (0,2 п.л.)

6. Гуманитарное образование как фактор взаимодополняемости различных систем знания, антропо-природного диалога // Аграрное предпринимательство и юридические аспекты. Межвузовский сборник научных трудов. Екатеринбург, 2004. – С 117-118 (0,2 п.л.).

7. Российская государственность в эпоху глобализации как проект синергетической философии истории // Федерализм. Гражданское общество. Государство: политические и правовые аспекты. II Международная научно-практическая конференция. Пенза. 2006. – С. 77-79 (0,2 п.л.).

8. Этический код и фактор «времени» как аспекты синергетической парадигмы истории // Науки о культуре – шаг в XXI век. Сборник материалов IX ежегодной конференции-семинара молодых ученых. Москва, 2008. – С.132-138 (0,3 п. л.).